

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ АРХИВА

СТРАНИЦЫ
БИОГРАФИИ
ЭТНОГРАФА
Л. Б. ПАНЕК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • 2015

ББК 63.1(2)6–8+72.6

С 83

*Утверждено к печати
Ученым советом Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

Текст:

Г. А. Генко, Е. Н. Груздева

Рецензенты:

к. и. н. М. С.-Г. Албогачиева (МАЭ РАН),

к. и. н. Е. Г. Застрожнова (СПбФ АРАН)

С 83 Страницы биографии этнографа Л. Б. Панек / Г. А. Генко, Е. Н. Груздева ; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. — СПб.: «Реноме», 2015. — 32 с. : ил.
ISBN 978-5-91918-620-5

Издание рассказывает о жизни и научной работе российского этнографа-кавказоведа Лидии Борисовны Панек. На долю ее поколения выпало непростое время отечественной истории — Первая мировая война, годы социалистического строительства, репрессии конца 1930-х, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление страны. Научная деятельность Л. Б. Панек, начавшаяся в 1920-е гг., более 20 лет была связана с Институтом антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Текст дополняют фотографии, большая часть которых публикуется впервые.

Издание предназначено как для специалистов, так и для самой широкой аудитории.

ББК 63.1(2)6–8+72.6

ISBN 978-5-91918-620-5

© Г. А. Генко, Е. Н. Груздева, текст, 2015

© СПбФ АРАН, иллюстрации, 2015

© МАЭ (Кунсткамера) РАН, иллюстрации, 2015

Страница первая. ДЕТСТВО

Лидия (Лиля) родилась 28 (по ст. ст. 15) августа 1896 г. Мать, Анна-Мария Антоновна Матизен (1867–1936), была родом из многодетной купеческой семьи немцев-колонистов. Она получила хорошее домашнее образование, что позволяло ей служить гувернанткой и давать частные уроки немецкого и французского языков. На этот заработок они и жили с дочерью. Отец, Лебедев Борис Николаевич, по рассказам матери, был профессиональным революционером (социал-демократ по убеждениям). Он редко появлялся дома, а появившись, заставлял Анну Антоновну разносить под юбкой прокламации. Связь с человеком нелояльным государству была опасна и женщина старалась скрыть свои отношения с ним, что отразилось, в частности, в фамилиях детей. Лидия сначала была записана на фамилию матери — Матизен, но впоследствии Анна Антоновна переписала ее на вымышленную фамилию Борисова. Младший сын Виктор (1902–1987) всю жизнь носил фамилию матери.

Работа гувернантки предполагала отсутствие собственной семьи. В связи с этим, а также желая избежать контакта детей с Лебедевым, Анна Антоновна пристроила сына Виктора к своей приятельнице в Ново-Саратовскую немецкую колонию, где он прижился и к матери в дальнейшем не вернулся. В начале двадцатых годов мать и сын потеряли друг друга из вида.

Лида Матизен какое-то время жила в семье сестры матери Жевунёвой (урожд. Матизен) Екатерины Анто-

Лиля Матизен-Борисова. 1913 г.

Ученицы гимназии Зябловой. 1913 г.
Л. Матизен-Борисова во втором ряду крайняя слева

новны, где воспитывалась вместе со своей двоюродной сестрой Ниной. Позже Лиду пригласили к себе давнишние друзья дома Завадские — Норберт Болеславович и его жена Мильца. Их дочь Елена (дома ее звали Джина) стала ближайшей подругой Лиды на многие годы.

В 1914 г. Л. Борисова окончила частную гимназию Зябловой (В.О., Кадетская линия, 17), получив аттестат с правом на серебряную медаль. Она хортела преподавать русский язык и поступила в VIII, дополнительный, класс частной гимназии М. Д. Могилянской. Через год она успешно прошла итоговые испытания¹.

¹ Архив СПбГУ. Ф. 3 (Географический институт). Опись личных дел студентов за 1913–1925 гг. Д. 655. Л. 2–2об. — Свидетельство об образовании Л. Борисовой (Матизен).

Уже шла Германская война и на улицах Петрограда стали привычным явлением люди в шинелях, с повязками, на костылях, красные кресты на флагах и зданиях, использовавшихся под лазареты. Девушка решила стать сестрой милосердия.

До этого момента они с матерью жили в Шувалове, но тут Лида перебралась в город, отделившись от матери. Мать осталась в Шувалове, куда в 1917 г. пришёл незнакомый человек и сообщил, что Лебедев убит.

Страница вторая. ЛАЗАРЕТ

Чтобы получить право работать в медицинском учреждении, Лидия Борисова в течение двух месяцев занималась на курсах по уходу за больными и ранеными, где изучала анатомию, физиологию, патологию, гигиену, учение о заразных болезнях, подание первой помощи, десмургию (учение о повязках и методах их наложения), фармацию и проч. дисциплины, проходила практику в Петропавловской и Обуховской больницах². Пройдя «весьма удовлетворительно» итоговые испытания, Лидия Борисова была причислена к Общине Св. Георгия сестер милосердия Красного Креста и получила направление в Лазарет Красного Креста № 294, располагавшийся в д. 22 по 10-й Роте Измайловского полка. Там она проработала палатной сестрой почти два года, ухаживая за находившимися на излечении и реабилитации ранеными.

С фотографии смотрит строгая и грустная девушка в сестринской форме — темное платье и белая головная косынка. Она не принадлежала к Общине (была лишь волонтеркой — сестрой военного времени), поэтому не носила передник с нагрудным красным крестом, но дисциплина была одинакова для всех: беспрекословно подчиняться попечительнице, сестре-настоятельнице и главному врачу, ухаживать за больными «с любовью и кротостью и не брезгуя неразрывно связанной с этим делом черной работой». Самой высокой оценкой труда

Сестра Лидия Борисова. 1915 г.

² СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–3. — удостоверения о прохождении обучения.

В лазарете Российского Общества Красного Креста № 294 Общины Св. Георгия. Петроград, 1917 г.
Сестра Л. Борисова сидит во втором ряду в центре

было доброе отношение пациентов. Молодую сестричку, отличавшуюся аккуратностью, внимательностью и сердечным отношением, пациенты любили и после возвращения домой многие писали ей письма, рассказывали о новой жизни, благодарили...

Лидия вышла замуж за пациента лазарета Петра Панека. По уставу Красного Креста замужняя женщина не могла работать сестрой милосердия, и 1 июня 1917 г. она оставила Лазарет, однако вскоре овдовела.

Переехав в Москву, Л. Б. Панек поступила на работу учетчицей в Главное артиллерийское управление, потом, в 1919 г., заведовала районной сельской библиотекой в с. Арбаш Котельничского уезда Вятской губернии. В конце 1919 г. она была командирована Котельничским отделом наробраза в Петроград в Институт внешкольной работы. Но, решив продолжить образование, Лидия Борисовна подала заявление о приеме в Географический институт на этнографическое отделение.

Страница третья. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

В молодом учебном заведении (созданном в 1918 г.) преподаватели стремились дать студентам не только специальное образование, но и систематические знания по истории мировой культуры. Возглавлявший этнографическое отделение профессор Л. Я. Штернберг выстроил программу, включавшую специальные дисциплины (этнографию, антропологию, общее страноведение, историческую географию, материальную культуру народов России, эволюцию социальной культуры, историю религии, фольклор и русскую диалектологию, историю искусства, историю философии), а также курсы по естествознанию, экономической географии, статистике, всемирной истории и культуре. Первым советским студентам-этнографам читали лекции крупнейшие ученые: Н. И. Кареев, В. В. Струве, В. М. Алексеев, П. А. Спицын, Д. А. Золотарев, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз и др. Для подготовки к музейной работе студенты обязательно привлекались к экскурсионной практике в Музее антропологии и этнографии или в Этнографическом отделе Русского музея, а с полевой работой знакомились уже на старших курсах, выезжая в обязательные этнографические экспедиции. Во время полевой работы очень полезны были знания, приобретенные на занятиях по топографии и метрологии, а также навыки рисования и фотографии.

Однако, хотя обучение было бесплатным, на жизнь студенту приходилось зарабатывать. Лидия Панек сначала устроилась в Комитет народного просвещения ин-

Л. Панек-Борисова. 1919 г.

структором Отдела питания учащихся, но в 1920 г. перешла на службу в Петропленбеж. Коллегия по делам о пленных и беженцах — Пленбеж — была организована в 1918 г. для руководства всеми делами, возникающими в связи с окончанием войны в отношении гражданских лиц, пленных, заложников и беженцев. В каждом регионе в крупных городах имелись местные комитеты Пленбежа. При Петроградском комитете для нуждавшихся в медицинской помощи существовал «патронат для военнопленных». Там Лидия Борисовна и проработала медсестрой два года.

На старших курсах она начала по воскресеньям водить этнографические экскурсии по Музею Антропологии и этнографии (от Экскурсионной базы Губполитпросвета)³. Студенты имели возможность подкормиться, получая так называемые «американские обеды», — сотрудники американской общественной организации АРА, помогавшей России преодолеть голод 1921–1923 гг., раздавали на организованных кухнях бесплатные горячие обеды.

Летом в 1923 году студенты-этнографы выехали на свою первую экспедиционную практику. Лидия Борисовна с сокурсницей получили разрядку в Тихвинский уезд Череповецкой губернии. Поездка оказалась удачной: на долю молодых специалистов выпало увидеть интересный обряд, о котором позднее напарница Лидии Борисовны вспоминала: «Летом 1923 г. Географическим институтом была организована поездка в бывшую Череповецкую губернию для собирания этнографических материалов. Участникам поездки (мне и Л. Б. Панек) пришлось натолкнуться там на остатки языческого обряда жертвоприношения барана. Обряд этот заключается в том, что в день Успения, 15 августа ст. ст., в деревне Б. Будогощь собираются окрестные жители и приводят баранов, которых тут же режут и варят, а затем раздают мясо всем присутствующим»⁴. Тогда девушки записали у местных жителей много рассказов, поверий и ле-

³ Из автобиографии Л. Б. Панек от 22.03.1947. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.

⁴ Дуйсбург А. Я. Праздник «барана» в деревне Б. Будогощь // Советская этнография. 1933. № 5–6. С. 89.

генд. На следующее лето, в 1924 г., Л. Б. Панек проходила полевую практику уже на Алтае, знакомясь с бытом алтайцев и телеутов. По результатам поездок студенты должны были делать обязательные отчеты-доклады, и она выступала с докладами о крестьянских постройках Тихвинского уезда и об одежде телеутов⁵.

Незадолго до окончания института Л. Б. Штернберг предложил Лидии Борисовне пройти практикантуру в Музее антропологии и этнографии АН (МАЭ), и в декабре 1924 г. она была зачислена в отдел Австралии и Океании. Текущая музейная работа заключалась в разборе, систематизации и каталогизации коллекций, подготовке экспонатов к выставкам, составлении путеводителя. В МАЭ практикантка приходила 2–3 раза в неделю на 3 часа, но это был ценный опыт научной и музейной работы. Под впечатлением от предметов с тихоокеанских островов Л. Б. Панек увлеклась было этнографией Меланезии. Даже попробовала себя в исследовательской работе: подготовила материал для небольшой статьи о перьях плаща гавайских королей⁶. Однако после окончания в марте 1925 г. Географического института она получила командировку в Грузию.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 497. Л. 7 — Анкета молодого исследователя [1925/1926 г.].

⁶ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 497. Л. 2. — Отчет практикантки МАЭ Л. Б. Панек [1928/1929 г.].

Страница четвертая. ГОРНАЯ ГРУЗИЯ. ПАСАНАУРИ

В 1923 году в Москве был создан Научно-педагогический институт методов внешкольной работы, занимавшийся разработкой форм и методов воспитательной работы и в том числе созданием внешкольных учреждений, площадок, баз и лагерей как культурных центров для работы с детьми и взрослыми. По поручению этого института летом 1925 г. Л. Б. Панек должна была поехать в горную Грузию, в Тифлисскую губернию, и провести там исследование, оценив необходимость и возможность ведения культурно-воспитательной работы. Не имея еще серьезного полевого опыта, не зная грузинского языка, молодая женщина оказалась в самом сердце Грузии, но не спавала и взялась за порученное дело.

Жители горной Грузии называются мтиулами (от грузинского «мта» — гора), а область Грузии по берегам Черной и Белой Арагвы — Мтиулией (Мтиулетией). Исторически мтиулы были военизированным племенем, охранявшим границы страны. До сих пор в горах сохранились остатки многочисленных сторожевых постов.

Там, где Белая Арагва сливается с Черной Арагвой, на стыке двух ущелий находится селение Пасанаури, окруженное лесами и сочными лугами по склонам гор. Оттуда можно было совершать экскурсии по живописным окрестностям, на водопад речки Чабарухи или по долине Черной Арагвы в Гудамарское ущелье, где сохранилось много памятников древней архитектуры —

Л.Б. Панек на берегу Белой Арагвы. 1926 г.

Слияние Чёрной и Белой Арагвы. 1920-е гг.

Мтиулка прядет шерсть. 1920-е гг.

башен, крепостей, церквей и проч. Через Пасанаури проходила Военно-Грузинская дорога. В селении было решено организовать экскурсионную базу Объединенного экскурсионного бюро Наркомпроса. Опыт организации подобных культурных центров уже был наработан в других районах Грузии: они встречали организованные группы и туристов-одиночек, предоставляли питание и устраивали для них экскурсии. Практикантка из Ленинграда должна была наладить такую работу в Мтиулии.

Лидия Борисовна разъезжала верхом по окрестностям Пасанаури, разрабатывая возможные маршруты экскурсий, и одновременно знакомясь с местными жителями, присматриваясь к их образу жизни, быту, костюмам, традициям. Для этнографа в этом краю было очень много интересного материала.

С 25 сентября по 5 октября 1925 г. в Батуми проходил Второй съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа. Это было крупное

событие в региональном краеведении 20-х годов. Торжественное открытие съезда состоялось в батумском Академическом театре⁷. Выступление Л. Б. Панек было заявлено от Института методов внешкольной работы как доклад о результатах летней работы. На съезде она встретила своих ленинградских учителей Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза и В. П. Семёнова-Тян-Шанского и познакомилась с видными учеными: секретарем Центрального бюро краеведения астрономом Д. О. Святским, ректором 2-го МГУ и представителем Наркомпроса и Главнауки РСФСР педагогом А. П. Пинкевичем, с уполномоченным Наркомпроса по Кавказу географом-педагогом из Москвы А. А. Коленкиным, ученым секретарем Комиссии

⁷ О съезде подробнее можно прочесть в воспоминаниях М. И. Ключниковой — одной из его участниц. См.: *Акимченков В. В. Второй съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья Западного Кавказа: неизвестные страницы истории памятникоохранительной деятельности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». Т. 25 (64). № 2. 2012. С. 12–29.*

по изучению Якутской АССР геологом П. В. Виттенбургом и др. Сообщение Лидии Борисовны «Этнографические наблюдения в Мтиулетии летом 1925 г.» содержало свежие факты и произвело впечатление на слушателей, вызвав обмен мнениями.

В культурную программу съезда входили экскурсии по окрестностям Батуми: на строительство Аджарис-Цхасевской гидроэлектростанции, в знаменитый Батумский ботанический сад и на чайные плантации Чаквинского имени на Зеленом мысу, а также поездка морем в пограничное селение Сарны для осмотра остатков древних грузинских крепостей⁸.

После возвращения в Ленинград Л. Б. Панек продолжала работать в МАЭ в секторе Австралии и Океании. Но у нее «не было твердой уверенности в том, что... удастся и впоследствии продолжать работу по австраловедению»⁹, а этнография Кавказа уже захватила ее воображение, и Лидия Борисовна решила пополнить свои знания по истории и языку Грузии. В течение трех лет она слушала спецкурсы по вопросам кавказской этнографии, читавшиеся на Географическом факультете Ленинградского университета профессорами И. А. Орбели и А. Н. Генко, занималась грузинским языком под руководством профессора К. Д. Дондуа. Каждое лето выезжала в Пасанаури, где продолжала сбор материала о быте и обычаях мтиулов и имела хорошую языковую практику. Постепенно границы исследований расширялись, захватывая и соседние территории — Казбекский и Млетский районы, Хевсурию, Пшавию...

Из Пасанаури Л. Б. Панек писала своему руководителю Л. Я. Штернбергу, рассказывая о ходе работы: «Словарь мой (грузинского языка. — Е. Г.) значительно обогатился, но с глаголами я еще не в ладах. Занимаюсь немного жилищами, но тема эта не слишком увлекательная. С ней можно мириться при недостаточном знании языка. <...> духовная культура здесь настолько

⁸ Второй краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа. 25.IX–5.X.1925 г. Постановления и резолюции. Батум, 1925. С. 98.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 497. Л. 2. — Отчет практикантки МАЭ Л. Б. Панек [1928/1929 г.].

Батуми, Зелёный Мыс. 1925 г.

Слева направо вокруг стола: В.Г. Богораз, В.П. Семёнов-Тян-Шанский, жена А.П. Пинкевича, А.П. Пинкевич, Л.Б. Панек, О.И. Коленкина, С.Я. Штернберг, А.А. Коленкин, Л.Я. Штернберг, Люся Виттенбург

На морской прогулке. Батуми, 1925 г.

Слева направо стоят: Люся Виттенбург, В.П. Семёнов-Тян-Шанский, Д.О. Святский, Л.Б. Панек, ?., Л.Я. Штернберг, ?.; сидят: О. И. Коленкина, В. Г. Богораз

Мтиульская сакля. Рисунок Л. П. Панек. 1927 г.

богата, что невозможно проходить мимо...»¹⁰ Ей было интересно все: свадьбы, поминки, жертвоприношение, сельскохозяйственные работы, песни, легенды... Лидия Борисовна вела подробные записи и старалась запечатлеть виденное, используя для этого фотоаппарат и свои способности к рисованию. Когда при верховой езде раз-

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 220. Л. 1. — Письмо Л. Б. Панек Л. Я. Штернбергу от 23.07.1926 г.

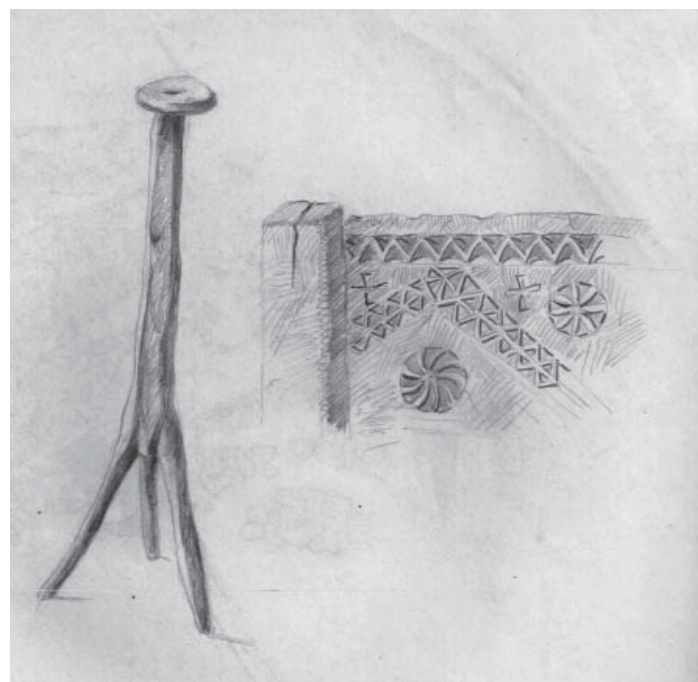
билось матовое стекло фотоаппарата, вместо него приходилось при съемке каждый раз прикладывать лист промасленной бумаги, но большая часть снимков получилась хорошо¹¹.

Основной темой исследований первых лет были жилища горцев — малые и для больших семей (на 25–40 человек), старинные и современные. Интересовали

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 220. Л. 1об.

Хевсурская сакля. Фото Л.Б. Панек. 1920-е гг.

Этнографические зарисовки Л. Б. Панек. 1927 г.

Хевсурский ткацкий станок. Фото Л.Б. Панек. 1920-е гг.

Лидию Борисовну и материалы по верованиям, по ремеслу и особенно ткачеству¹².

Ленинградский Музей этнографии поручил ей приобрести предметы быта, одежду, ремесленные изделия горцев, и Л. Б. Панек выясняла возможность их покупки, решала, какие предметы более интересны: «В прошлом году я не заметила, что у хевсур существует 2 типа тканья и обнаружила это только теперь. Один тип более простой с обычным чередованием четных и нечетных ниток, другой — более сложный — с основой не в два..., а в три ряда... Интересно было бы приобрести модели обоих типов. Мтиульский ткацкий станок менее интересен... хорошо было бы заказать модель мтиульского коврового станка с начатым ковром. Оба хевсурских ткацких станка и мтиульский ковровый вертикальны, натуральная величина их 3 мтр × 1½ м»¹³.

¹² В отчете за 1927 год Л. Б. Панек отмечала, что были сделаны 15 планов жилищ, привезены 70 фотографий и 12 рисунков. — СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1926. Д. 4. Л. 26об.

¹³ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1926. Д. 4. Л. 2-2об.

Группа экскурсантов в Гудамарском ущелье. 1927 г.
Крайняя справа Л. Б. Панек

Л. Б. Панек награждает экскурсанта
«орденом Хевсуретии». 1927 г.

Экскурсанты в Пасанаури. 1927 г.

От этнографической работы постоянно отвлекали обязанности по Пасанаурской базе Объединенного экскурсионного бюро Наркомпроса. В Пасанаури приезжали группы экскурсантов из разных городов и регионов России и за летний сезон Л. Б. Панек проводила около 35 экскурсий по Хевсурии и Мтиулии. Экскурсантов сначала учили сидеть в седле (другого транспорта не было), готовили к длительным переходам. Наградой смелым и выносливым путешественникам были потрясающие горные пейзажи и посещение труднодоступных мест для знакомства с культовыми сооружениями из нетесаного камня — молельнями-святилищами — и с крупными архитектурными памятниками. На базе экскурсантам предлагались и развлечения иного рода. Например, соревнования в ловкости и храбрости, участники которого должны были проявить сноровку в верховой езде, перейти бурливую речку по импровизированному мосту из бревен или выполнить иные упражнения, которые для горца были частью повседневной жизни. Победителю соревнований

вручался «орден Хевсуретии». Экскурсантам рассказывали и о знаменитых людях, проезжавших когда-то через Пасанаури по Военно-Грузинской дороге — о Пушкине, Лермонтове, М. Горьком, читали написанные здесь стихи и рассказы.

В обязанности сотрудников экскурсионной базы входила и работа с местным населением. Лидия Борисовна ездила по округе, выступала с лекциями, беседовала о проблемах обеспечения медикаментами, об отсутствии школ, о развитии кооперации в районе. В органах местной власти добивалась организации медицинской помощи жителям отдаленных селений. По инициативе Л. Б. Панек на экскурсионной базе был проведен сбор денежных пожертвований для культурных нужд местных жителей, для закупки медикаментов, создан накопительный фонд для строительства школы в селе Бахурхеви. За три года удалось набрать сумму, достаточную для покупки строительных материалов и оплаты работы плотников. Идея строительства школы получила одобрение и поддержку Наркомпроса. Лидия Борисовна выступала в роли организатора и даже сумела привлечь самих хевсур к подвозу материалов и участию в строительстве. В 1929 году школа начала работать.

Л. Б. Панек у хевсур. 1927 г.

Закладка фундамента здания школы в с. Бахурхеви. 1928 г.

Работа на Экскурсионной базе дала Л. Б. Панек редкую для этнографа возможность длительного пребывания в изучаемой этнографической среде, полевых наблюдений в течение 5 лет в одном и том же районе горной Грузии. За эти годы она стала едва ли не самым крупным специалистом по мтиулам и хевсурам, а ленинградское научное сообщество, по оценке кавказоведа А. Н. Генко, приобрело в лице Лидии Борисовны «вполне подготовленного и нужного специалиста» для одного из важнейших участков обширной области кавказской этнографии — для Грузии¹⁴. В 1928 г. были изданы две популярные брошюры, написанные ею, — «Мтиулы» и

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. д. 60. л. 2об. — Отзыв А. Н. Генко. 5.03.1929 г.

Сотрудники и студенты географического факультета Ленинградского университета. 1927 г.
2-й ряд справа налево: В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, С. А Штернберг,
И. Д. Старынкевич, Л. Б. Панек, А. Н. Генко и др. (все с закрытыми глазами!)

«Хевсуры», в 1929 г. передана в печать большая статья «Жилище мтиулов». Неоднократно Л. Б. Панек выступала с докладами на темы: «Техника ткацкого станка», «Поездка в Мтиулию». Грузинский язык она освоила настолько хорошо, что не только свободно разговаривала, но и могла заниматься переводами: в 1927 г. перевела для Л. Я. Штернберга статью С. Макалатия «О фаллическом культе в Грузии», а в 1928 г., заду-
мав статью о грузинских жрецах (деканозах), переводила

главу о языческих верованиях из книги И. Джавахишвили «История грузинского народа»¹⁵.

Отчет практикантки о проделанной за пять лет этнографической и экскурсионной работе получил одобрение руководителя (после смерти Л. Я. Штернберга за ее работой наблюдал В. Г. Богораз) и Лидия Борисовна была зачислена в МАЭ как руководитель экскурсий.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 497. Л. 2–2об. — Отчет практикантки МАЭ Л. Б. Панек [1928/1929 г.].

Страница пятая. 1930-е ГОДЫ

В 1929 г. Л. Б. Панек вышла замуж за кавказоведа-лингвиста Анатолия Несторовича Генко. В 1930 г. у них родилась дочь Галина.

Анатолий Несторович проживал на 3-й линии Васильевского острова в д. 54, занимая в квартире крохотную комнатку, где помещались только рабочий стол и диван. Прочая кабинетная мебель и обширна библиотека с согласия соседки были расставлены вдоль коридора. Лидия Борисовна жила с матерью и ее братом в двух смежных комнатах большой коммунальной квартиры в Прачешном пер. Образование новой семьи обострило жилищную проблему. Анатолий Несторович не помещался со своим имуществом в комнатку, где уже жили Лидия Борисовна с ребёнком и няней Марией — беженкой с Украины. Обмен удалось осуществить только в начале 1935 г. Анатолий Несторович, Лидия Борисовна, Анна Антоновна и Галя въехали в трёхкомнатную квартиру на проспекте Огородникова, 19 (сейчас Рижский пр., 33).

Вместительная и удобно расположенная новая квартира стала интенсивно посещаемой. Очень частыми гостями были сослуживицы Генко по Институту востоковедения Людмила Филипповна Векслер и Ксения Александровна Ракитина, приходившие всегда вместе. Анатолий Несторович отрывался от работы и включался в оживлённую беседу о делах служебных, напряжённой обстановке в стране, покойном академике Н. Я. Марре и его учении о языке. В художественном изложении

Л. Б. Панек с мужем и дочерью Галиной. 1931 г.

Векслер слушали остросюжетные анекдоты. Иногда приходили в гости супруги Бонч-Осмоловские: Глеб Анатольевич (известный археолог) и Ольга Георгиевна (художник и писатель), бывшая дочерью Георгия Фёдоровича Морозова, лесовода, который в своё время состоял в дружеских отношениях с отцом Анатолия Несторовича Нестором Карловичем, тоже известным лесоводом. Встречи А. Н. Генко с Г. А. Бонч-Осмоловским неизменно сопровождались яростными дебатами о внутренней и внешней политике. Бонч, когда-то радостно приветствовавший революцию, уже в начале тридцатых годов стал замечать перегибы, но упорно твердил, что «с главной идеей всё в порядке», и подчёркивал, что «Сталин не в курсе совершаемых безобразий». Генко же упорно стоял на том,

что «именно Сталин является главным виновником происходящего».

Нередко забежал этнограф из МАЭ Леонид Иванович Лавров, обычно приносивший Анатолию Несторовичу какую-нибудь работу на просмотр. Они оба тут же уединялись в так называемом кабинете. Перед уходом Леонид Иванович спрашивал у Гали: «Каким спортом занимаешься?», на что следовал ответ: «Никаким! А Вы?». Расправив плечи, Лавров объявлял: «По трамваям я скакаю, рысаков перегоняю». Из Москвы изредка приезжал давнишний друг Генко Василий Иванович Абаев. Приглушёнными голосами друзья обсуждали трагические события в Академии и на Кавказе. Галю Василий Иванович учил петь «Нам не страшен серый волк».

В гостях у Бонч-Осмоловских. Ленинград, 1931 г.

Слева направо: Ф.А. Фиельструп, Е.М. Пещерева, О. Г. Бонч-Осмоловская, А.Н. Генко, Л.Б.Панек с дочерью на руках, сыновья Бонч-Осмоловских Георгий и Андрей, Г.А.Бонч-Осмоловский

Василий Иванович Абаев

Леонид Иванович Лавров

Приходила в гости гимназическая подруга Лидии Борисовны Нина Ильинична Максимова (урожд. Кац) с дочерью Наташей, надолго подружившейся с Галей.

Несколько раз в квартиру на проспекте Огородникова успела зайти двоюродная сестра Лидии Борисовны Нина Анатольевна Жербунёва (по мужу [Багратион]-Мухранская). Однако её супруг вскоре был арестован и расстрелян, а она с сыном выслана в город Фрунзе.

В МАЭ Лидия Борисовна продолжала заниматься музейной работой в отделе Австралии и Океании, в 1933 г. перешла на должность штатного научного сотрудника II, а с 1934 г. — I разряда. На работе она выполняла научное исследование по теме «Техника изготовления каменных орудий австралийцев», но все свободное время отдавала грузинам-горцам, обрабатывая накопленные в Пасанаури материалы. В 1930-е годы она подготовила несколько статей, часть из которых напечатала в периодических изданиях, но главным итогом должна была стать задуманная диссертация о мтиулах.

Летом 1933 г. Л. Б. Панек ездила в экспедицию в Дагестан. Руководителем экспедиции был А. Н. Генко, который дал жене возможность отвлечься от австраловедения и вновь побывать на Кавказе. Третьим участником поездки был этнограф Ф. А. Фиельstrup. Небольшой от-

Нина Анатольевна [Багратион]-Мухранская с сыном Георгием. 1938 г.

ряд собирал терминологический и топонимический материал по цахурскому и рутульскому языку.

В Институте этнографии АН тогда не было ни отдела, ни сектора, занимавшегося Кавказом. Анатолий Несторович стал инициатором организации Кабинета Кавказа, он же в 1936 г. стал его первым заведующим. В штат сотрудников Кабинета сразу вошли кавказоведы Л. Б. Панек и Л. И. Лавров. «С этого времени я могла уже заниматься беспрепятственно этнографией Кавказа, — отмечала Лидия Борисовна. — Интересы мои были направлены на исследование грузин-горцев (мтиулов), а также горцев лезгинской группы (рутулов, цахур, табасаранцев, хиналугцев и лезгин)»¹⁶. Ее интересовали

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 62. Л. 1. — Автобиография Л. Б. Панек. 22.03.1947 г.

различные стороны мтиульского быта: праздники, традиции, система родства, материальная культура. Постепенно накапливался интересный материал. Кроме того, все сотрудники Кабинета участвовали в подготовке статей для кавказского тома многотомного издания Института «Народы мира» и справочника «Народы СССР». Летом 1936 г. Лидия Борисовна ездила на Кавказ в командировку для сбора материала по хозяйственному и культурному строительству Закавказья¹⁷.

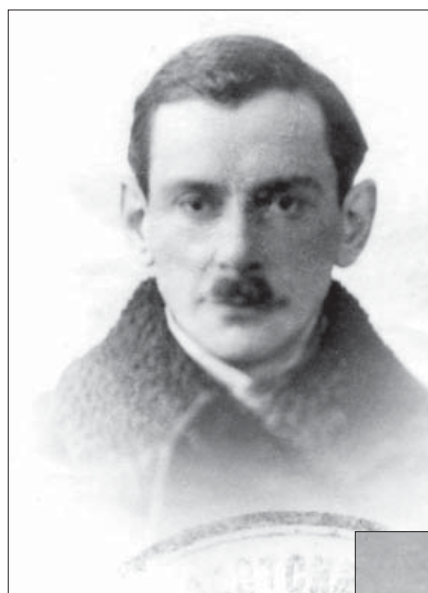
Между тем в стране нарастала волна репрессий и все больше сотрудников научных учреждений попадало в списки арестованных органами НКВД с абсурдными обвинениями в шпионаже и антисоветской пропаганде. Карательные органы заметно проредили и без того сравнительно узкий круг ленинградских ученых, не обойдя вниманием археологов, этнографов, славяноведов, востоковедов... Семья Генко—Панек в 30-е годы потеряла многих близких друзей и родственников. В 1933 г. были арестованы Ф. А. Фиельструп и Г. А. Бонч-Осмоловский. Первый погиб во время допроса, второй отбыл трехлетний срок в Воркутлаге. В 1930-е годы были арестованы и расстреляны по разным поводам четверо братьев Анатолия Несторовича, арестованы (но не расстреляны) жена одного из них и двоюродный брат Лидии Борисовны Алексей Антонович Матизен. Муж двоюродной сестры Лидии Борисовны Д. Д. Мухранский был расстрелян, а она с ребенком высланы. Была выслана на Алтай и вся семья брата Н. Б. Завадского.

В 1937 г. начались массовые аресты в Институте востоковедения¹⁸. 9 апреля 1938 г. по обвинению в антисоветской деятельности арестовали А. Н. Генко, вскоре после него — Л. Ф. Векслер. Лидия Борисовна пыталась защищать мужа, просила вызвать в качестве свидетелей сотрудников ленинградских учреждений, где он работал, которые подтвердили бы его лояльность и невиновность перед государством и ВКП(б).

Масштабы репрессий в стране сократились после того как в ноябре 1938 г. пост главы НКВД СССР, сме-

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1936. Д. 11. Л. 81.

¹⁸ Впоследствии стало известно, что многие арестованные были расстреляны в 1937–1938 гг.

Анатолий Несторович
Генко. 1940 г.

Людмила Филипповна
Векслер

стив Н. И. Ежова, занял Л. П. Берия. Однако пришлось ждать долгие два года, пока «следствие» развалилось и в начале 1940 г. Генко и Векслер были освобождены.

Весной-летом 1940 г. Л. Б. Панек ездила в командировку в Чечено-Ингушскую и Дагестанскую республики для сбора этнографического материала. А. Н. Генко вернулся в Институт востоковедения. Жизнь входила в обычную колею. Новые испытания принес 1941 год.

Страница шестая. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

С началом войны возникли разговоры о неизбежной эвакуации Академических институтов. Вместе с тем в ожидании планируемого отъезда сотрудникам Института этнографии, как и многих других учреждений, было приказано перейти на казарменное положение для обеспечения защиты зданий от последствий бомбёжек, которые в Ленинграде начались с сентября 1941 г. В этом был определённый резон ещё и потому, что перемещение по городу было затруднено воздушными тревогами, сбоями в работе транспорта, частой разводкой мостов. Глубокие подвалы здания Института (Кунсткамеры), были идеальным бомбоубежищем, пригодным для проживания.

Сотрудники стали потихоньку переносить на работу необходимые вещи. Л. Б. Панек и А. Н. Генко тоже принесли в Институт этнографии, где Анатолий Несторович работал по совместительству, кое-какое имущество. Предполагая отдельную эвакуацию институтов, Лидия Борисовна решила выезжать с Институтом востоковедения (основным местом работы мужа) и 21 июля уволилась из своего института. Между тем эвакуация задерживалась. И тут 1 сентября был вновь арестован Анатолий Несторович. Об отъезде из города уже не могло быть и речи.

Квартира на проспекте Огородникова была совершенно не готова для проживания в блокадных условиях и к тому же находилась в интенсивно обстреливаемом

Здание МАЭ (Кунсткамеры)
в годы Великой Отечественной войны.
Ленинград, 1941–1945 гг.

Залы Кунсткамеры в годы Великой Отечественной войны.
Ленинград, 1941–1945 гг.

промышленном районе (порт, судостроительный завод). Поэтому Лидия Борисовна с дочерью поселились в подвале Кунсткамеры, уже частично оборудованном под общежитие. Скоро это общежитие заполнилось сотрудниками Института в количестве около 15 человек вместе с некоторыми членами семьи. Это место жительства, как показали дальнейшие события, оказалось хорошо обеспеченным редкостными в блокаду благами: не всегда, но часто работали водопровод и туалет (подвалы располагались ниже уровня Невы), дрова в Институт были завезены в достаточном количестве, на большой плите, обогревавшей подвал, всегда стоял чайник с кипятком. В помещении между жильцами не было никаких занавесок и перегородок, но достаточная уединенность обеспечивалась массивными колоннами. Электрического освещения не было, но у большинства рядом с нарами на столиках горели самодельные коптилки. Пищу готовили на общей плите индивидуально. Основной едой был жидкий супчик. Вместо чая большинство пило чистый кипяток без сахара. Кусочек дневной порции хлеба для повышения питательности обжаривали на олифе или медицинских мазях. Хлебные карточки сначала отовари-

вали в академической столовой в Таможенном переулке, потом в магазине на углу Невского и Гоголя, где обычно стояли огромные очереди. В этой очереди Лидию Борисовну неожиданно опознал врач, с которым она работала в Первую мировую войну. Он предложил ей поработать медсестрой, на что она сразу же согласилась, и на следующий день уже была принята на работу в Городскую больницу № 42 (на ул. Декабристов). Два дня в шестидневку она была свободна от дежурств и прибегала в общежитие Института этнографии, приносила Гале в бумажке сбереженные на работе 2–3 ложки какой-то не очень понятной каши.

После сильных бомбежек Галя бежала к матери в больницу проверить всё ли в порядке и заодно добиралась до квартиры на Огородникова, убедиться, что дом цел. В феврале Лидию Борисовну вызвали в НКВД на Литейный и сообщили, что А. Н. Генко умер 27 декабря от грудной жабы¹⁹.

¹⁹ Диагноз действительности не соответствовал. Много лет спустя, когда стало возможно познакомиться с материалами следственного дела 1941 г., достаточно было увидеть последнюю фотографию А. Н. Генко, чтобы понять: он умер от истощения.

Здание бывшей Балетной школы им. Тамары Ханум, в котором жили в Ташкенте в 1942–1945 гг. эвакуированные сотрудники Академии наук

Евгения Эдуардовна Бломквист и Юлия Михайловна Лихтенберг. Ташкент, 1943 г.

Кукуруза, выращенная Л. Б. Панек на огороде в Ташкенте. Слева — Е. Э. Бломквист, справа — Ю. М. Лихтенберг. Ташкент, 1943 г.

Летом 1942 г. в связи с предстоящей эвакуацией академических институтов Лидия Борисовна, опасаясь потерять дефицитную работу по специальности, уволилась из больницы, восстановилась в Институте этнографии и 12 июля 1942 г. вместе с дочерью покинула Ленинград с академическим эшелоном. Сначала прибыли в Казань, оттуда в Елабугу, где предстояло ждать дальнейших распоряжений. Наконец было принято решение о переводе гуманитарных институтов Академии наук в Среднюю Азию. Институту этнографии предстояло ехать в Ташкент. Из Казани выехали в начале октября и через месяц прибыли в Ташкент. В этом гостеприимном, но уже переполненном беженцами городе ленинградцам предстояло прожить 2,5 года, до победной весны 1945-го. Все это время по газетам и письмам оставшихся в городе друзей следили за жизнью блокадного Ленинграда, мечтали вернуться домой.

За годы эвакуации Лидия Борисовна сблизилась с Е. Э. Бломквист и Ю. М. Лихтенберг, эта дружба связывала их до конца жизни. А в эвакуации три женщины

и Галя Генко образовали маленькую коммуны, которую шутили называли «колхозом». Вместе легче было переносить бытовые неудобства и недоедание, а в трудную минуту получить дружескую помощь.

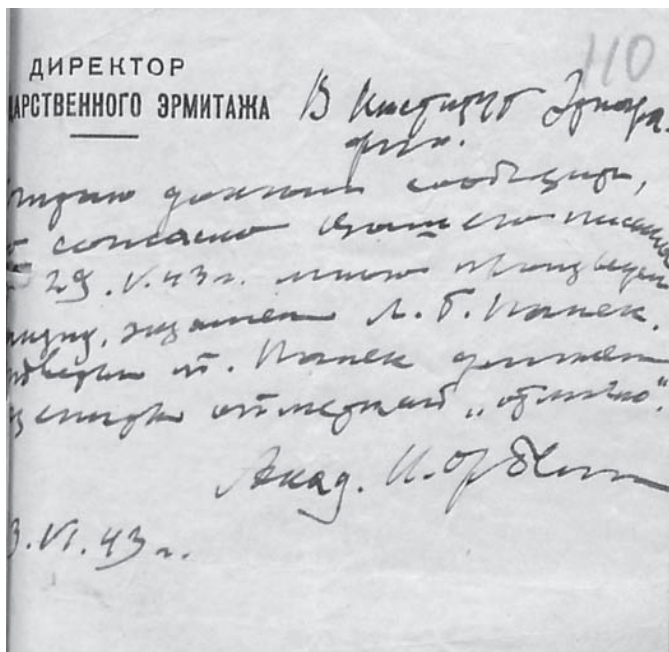
В Ташкенте Л. Б. Панек оказалась в трудном положении: библиотеки почти не имели книг по Кавказу, а ей необходимо было закончить и защитить диссертацию: денежное пособие и паек старшего научного сотрудника со степенью был значительно выше, чем у младшего и только успешная защита могла улучшить их с дочерью материальное положение. Рассчитывала Лидия Борисовна на вывезенные из Ленинграда свои записи о мтиулах и на память — собственную и коллег-этнографов, которые консультировали друг друга в отсутствие специальной литературы.

Сначала надо было сдать кандидатский минимум. Экзамен по иностранному языку Л. Б. Панек сдавала по «Иллюстрированной этнографии» немецкого антрополога и этнографа Георга Бушана комиссии, состоявшей из литературоведов — сотрудников Института мировой

литературы АН²⁰. Ее знания по специальности проверил и оценил на «отлично» сам «патриарх кавказоведения» И. А. Орбели, приехавший в Ташкент на сессию молодых ученых. Последним был экзамен по философии. Комиссию возглавлял историк философии и японист профессор ЛГУ Я. Б. Радуль-Затуловский. Успешно пройдя это испытание, Лидия Борисовна рассказывала о нем в письме к Е. Э. Бломквист: «В четверг... сдавали диамат. Весть о нашей блистательной сдаче быстро разнеслась... и нас приходили в кабинет поздравлять... Экзаменаторы (Радуль главным образом) еще и сегодня сияют при встрече с нами. Вот уж никогда в жизни не ожидала успеха на этом поприще...» В том же письме Ю. М. Лихтенберг приписала: «Лидия Борисовна от скромности не написала, что Радуль после ее зачета другим говорил, что “Не ожидал такой ясности мыслей от нее”. Лидия Борисовна решила не обидеться. Нет, в самом деле, от ответов Лидии Борисовны экзаменаторы были в восторге, и она создала прямо славу институту»²¹.

Однако сама диссертация давалась нелегко. На научных заседаниях Л. Б. Панек делала доклады по грузинской тематике, например: «Этническая стратификация Мтиулии (к вопросу этногенеза Горной Грузии)»²², но в письмах признавалась: «никак не могу придумать своей диссертации», «диссертация моя почти не двигается, хотя нужна она мне и Гальке до зарезу»²³. Работа заметно тормозилась из-за отсутствия необходимых книг и ожидания литературы, заказанной из Москвы по межбиблиотечному абонементу. И все же Лидия Борисовна справилась с задачей и 14 июля 1944 года на заседании Ученого совета Института востоковедения АН СССР успешно защитила диссертацию на тему «Социальные отношения у мтиулов».

После защиты пришлось временно перейти на среднеазиатскую тематику и заняться подбором материала по среднеазиатскому земледелию.

Записка академика И. А. Орбели
о приеме экзамена у Л. Б. Панек. 1943 г.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 497. Л. 109. — Протокол сдачи экзамена от 5.04.1943.

²¹ ОР РНБ. Ф. 1159 (Бломквист). Оп. 1. Д. 193. Л. 4.

²² СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1943. Д. 6. Л. 53.

²³ ОР РНБ. Ф. 1159 (Бломквист). Оп. 1. Д. 193. Л. 6, 7об.

Страница седьмая. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

Весной 1945 года сотрудники Института этнографии вернулись в Ленинград и в мае приступили к работе. Перед ними сразу была поставлена задача подготовить к юбилею АН СССР показательную выставку по материалам Музея антропологии и этнографии. В опустевшем и сильно пострадавшем за годы блокады здании надо было все экспозиции делать заново и при этом в кратчайшие сроки. Лидия Борисовна в составе отдела Австралии и Океании занималась выставкой коллекций Н. Н. Миклухо-Маклая.

Пока Л. Б. Панек с дочерью находились в эвакуации их квартиру (пр. Огородникова, д. 19, кв. 29) заселили, и в течение примерно полутора лет Лидия Борисовна с Галей и Ю. М. Лихтенберг проживали в подвальном помещении здания Института этнографии. Осенью 1946 г. от Академии им всем были выделены помещения в д. 4 по наб. Макарова (ныне Тучковой наб.), где находился Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Лидия Борисовна получила квартиру на верхнем, третьем, этаже площадью около 60 м², состоявшую из одной комнаты со сводчатым потолком высотой 5,5 м в центре, с печным отоплением и без газа. Возникли проблемы с дровами (покупать, пилить, рубить, носить по лестнице наверх), с магазинами (ближайший был на Невском проспекте), с отсутствием ванной, а вскоре и туалета (остался один на две квартиры). Но всё равно все были счастливы концу бездомности.

Л. Б. Панек с дочерью Галиной.
Ленинград, 1947 г.

Со второй половины 1945 г. Л. Б. Панек вернулась к работе по народам Кавказа. Она подготовила ряд докладов и статей на основе полевых материалов прежних лет и новых экспедиций. Поскольку Институт этнографии с 1943 г. находился в Москве, а в Ленинграде остался его филиал, то новые экспедиции совершались совместно с московскими коллегами. Еще в 1944 г. в Москве была организована Дагестанская этнографическая экспедиция, которую возглавил кавказовед Е. М. Шиллинг. А в 1946 г. в составе экспедиции появился Южно-Дагестанский отряд, занимавшийся изучением лезгин, рутульцев и цахур, и его начальником стала Л. Б. Панек. В течение четырех лет она с группой сотрудников выезжала в экспедиции и собирала материал по исторической этнографии народов региона.

В результате насильственного переселения ряда кавказских народов в районы Средней Азии и Казахстана, осуществленной в 1943–1944 гг. по распоряжению правительства, были нарушены вековые связи между народами, разрушены уникальные национальные культуры, изменилась традиционная этнодемографическая структура Кавказа. Ученые старались преодолеть роковые последствия правительственной кампании и по крупицам собирали сохранившиеся памятники быта, культуры, искусства коренного населения. Весной 1948 г. Лидия Борисовна представляла ленинградских этнографов на состоявшейся в Москве Первой Сессии кавказоведов и выступала с докладом о текущей работе.

Институт этнографии АН после войны вновь вернулся к давно задуманному многотомному изданию «Народы мира», для которого Лидии Борисовне было поручено подготовить статьи «Азербайджанцы», «Лаки», «Табасаранцы», «Удины», «Хиналугцы», «Народы шахдагской группы» и «Лезгины». Она погрузилась в работу и даже задумала большую монографию о лезгинах, которую предполагала представить как докторскую диссертацию.

В конце сороковых годов Л. Б. Панек узнала, что в городе Черкесске в планах издательства на 1952 г. появилась монография Г. П. Сердюченко «Язык абазин». Ли-

дия Борисовна помнила, что А. Н. Генко, который был первым исследователем абазинского языка, еще в 1934 г. составил грамматику наиболее распространённого наречия тапанта, а рукопись этой работы передал в Горский НИИ (г. Ростов-на-Дону) именно Г. П. Сердюченко. Панек привлекла внимание специалистов к заявленной на издание монографии. В 1949 г. в акте экспертной комиссии, проведшей сверку книги Сердюченко с рукописью Генко, работа Сердюченко была квалифицирована как плагиат. И всё же она была издана. С большим трудом при поддержке коллег Л. Б. Панек добилась в 1955 г. издания оригинального труда А. Н. Генко²⁴.

17 мая 1950 г. в результате конфликта с директором Института этнографии С. П. Толстовым Л. Б. Панек была уволена «по сокращению штатов».

²⁴ Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955. — 202 с.

Страница восьмая. В ДАГЕСТАНЕ

В том же 1950 г. Лидия Борисовна была приглашена на должность старшего научного сотрудника в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН (г. Махачкала). Там она продолжала работу по этнографии рутульцев и лезгин, ездила в экспедиции. О результатах некоторых поездок даже писали местные газеты: вместе с коллегами Л. Б. Панек привезла «из сел. Шиназ Рутульского района большой камень с высеченной на нем надписью, содержащей перечень ряда исторических событий с датами». Эти и другие петроглифы были признаны «ценным материалом для изучения истории Дагестана»²⁵.

В Дагестане произошло важное событие. В Махачкале Лидия Борисовна случайно узнала, что в Физическом институте АН работает некто Матизен. Далее выяснилось, что это сын ее родного брата Виктора, связь с которым была утрачена еще в 20-е годы. Эдуард Викторович окончил физфак Ленинградского университета и был направлен в Махачкалу по распределению, а сам Виктор Матизен безвыездно проживал... в Ленинграде.

В 1953 г. Л. Б. Панек вышла на пенсию и вернулась в родной Ленинград. Там произошла незабываемая встреча всех родственников.

Сотрудники Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР перед зданием института. Махачкала, 1953 г.

²⁵ Газета «Дагестанская правда» от 26.10.1952. С. 4.

Страница девятая. ИТОГИ

Лидия Борисовна Панек.
Ленинград, 1972 г.

По прибытии в Ленинград Лидия Борисовна Панек снова вселилась в квартиру на наб. Макарова, к дочери и зятю. В начале 1959 г. произошла очередная смена места жительства: все обитатели Пушкинского Дома были срочно расселены с целью освобождения помещений под производственные надобности. Лидия Борисовна с дочерью, зятем и появившейся на свет в 1955 г. внучкой Юлей переехали в трехкомнатную квартиру со всеми удобствами (на Алтайской улице, д. 22). В соседних квартирах (и на Макарова и на Алтайской) жила Юлия Михайловна Лихтенберг.

Лидия Борисовна много времени и сил уделяла воспитанию внучки: родители девочки — геологи — в летнее время подолгу отсутствовали, находясь в экспедициях. Дом на Алтайской был всегда открыт для старинных друзей: часто приходили Нина Максимова (подруга еще с гимназической поры), Ольга Бонч-Осмоловская, Людмила Векслер, из Москвы наезжали Елена (Джина) Завадская и Василий Иванович Абаев. Прочные связи установились с семьей брата.

Не прерывалась и дружба с сотрудниками Института этнографии: коллеги М. К. Кудрявцев, Г. А. Гловацкий, Т. Л. Юзепчук, Э. В. Зиберт, М. Д. Торен, Б. В. Фирштейн обычно все вместе 2–3 раза в год навещали Лидию Борисовну.

Л. Б. Панек скончалась 25 октября 1984 г. Похоронена в Ленинграде на Южном кладбище.

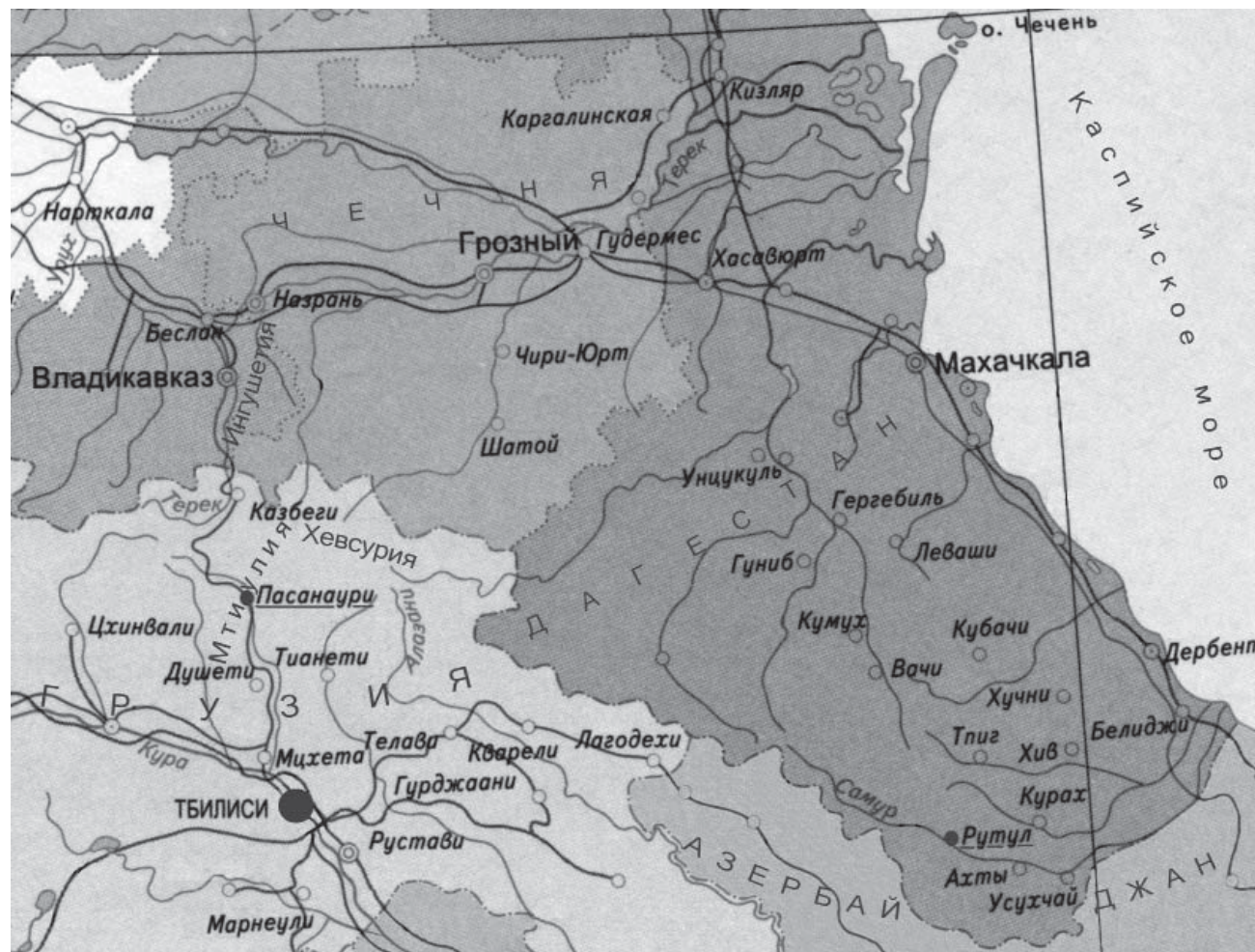
Основные опубликованные работы Л. Б. Панек

1. Мтиулы: Памятка экскурсанту. Л., 1928. — 12 с.
2. Хевсуры: Памятка экскурсанту. Л., 1928. — 12 с.
3. Жилище мтиулов // Сборник МАЭ. Т. IX. Л., 1930. С. 237–266.
4. Скотоводческий праздник «Теодороба» у мтиулов // Советская этнография. 1936. № 4–5. С. 193–199.
5. Следы родового строя у мтиулов // Советская этнография: Сборник статей. Вып. II. М., 1939. С. 67–87.
6. Социальные отношения у мтиулов // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 1. 1946. С. 35–36.
7. О терминах родства в грузинском языке // Сборник МАЭ. Т. XII. 1949. С. 71–77.
8. Жилище лезгин // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1957. Т. 9. С. 131–164.
9. *Панек Л. Б., Шиллинг Е. М.* Сборник очерков по этнографии Дагестана / Науч. ред. Р. И. Сефербеков. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1996. — 113 с.
10. Ахты как экономический политический и культурный центр лезгин Самурской долины / Публ. и подгот. текста Е. Л. Капустиной // Северный Кавказ: Традиционное сельское общество: социальные роли, общественное мнение, властные отношения: Сб. статей. СПб.: МАЭ, 2007. С. 295–310.
11. Свадебные обычаи лезгин / Подгот. текста и примеч. К. В. Радецкой // Северный Кавказ: Традиционное сельское общество: социальные роли, общественное мнение, властные отношения: Сб. статей. СПб.: МАЭ, 2007. С. 311–329.

* * *

В кавказоведении Л. Б. Панек известна как специалист по этнографии народов горной Грузии и Дагестана, автор ряда опубликованных статей и рукописных работ, находящихся в архивах МАЭ и Дагестанского института истории, языка и литературы. В МАЭ (Кунсткамера) РАН хранится коллекция этнографических фотографий, сделанных Л. Б. Панек в 1920-е гг. во время пребывания в Горной Грузии. Некоторые документы из личного архива вошли в собрание Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (Ф. 1136).

Районы основных этнографических экспедиций Л. Б. Панек

- 1925–1926 гг. Горная Грузия: Мтиулия.
- 1927, 1928 гг. Горная Грузия: Мтиулия, Хевсурия, Пшавия.
- 1933 г. Дагестан (Лингвистическая экспедиция).
- 1936 г. Горная Грузия.
- 1940 г. Ингушетия.
- 1946–1951 гг. Южный Дагестан.

Список иллюстраций

- С. 1 Л. Б. Панек. 1947 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.
- С. 3 Лиля Матизен-Борисова. 1915 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.
- С. 4 Ученицы гимназии Зябловой. 1913 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 67. Л. 1
- С. 5 Сестра Лидия Борисова. 1915 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.
- С. 6 В лазарете РОКК № 294. Петроград, 1917 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.
- С. 7 Л. Панек-Борисова. 1919 г. — Архив СПбГУ. Ф. 3 (Географ. ин-т). Оп. л/дел студентов за 1913–1925 гг. Д. 655. Л. 1.
- С. 9 Л.Б. Панек на берегу Белой Арагвы. 1926 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.
- С. 10 Слияние Черной и Белой Арагвы. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.
- С. 10 Мтиулка прядет шерсть. 1920-е гг. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.
- С. 11 Батуми, Зеленый Мыс. 1925 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.
- С. 11 На морской прогулке. Батуми. 1925 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
- С. 12 Мтиульская сакля. Пасанаури. 1925 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.
- С. 13 Хевсурская сакля. 1920-е гг. — Из книги: *Панек Л. Б. Хевсурьы*. Л., 1928. С. 5.
- С. 13 Хевсурский ткацкий станок. 1920-е гг. — Коллекция МАЭ РАН. № 3625-22/1-2
- С. 13 Этнографические зарисовки Л. Б. Панек. 1927 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
- С. 14 Группа экскурсантов в Гудамакарском ущелье. 1927 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 71. Л. 3.
- С. 14 Экскурсанты в Пасанаури. 1927 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.
- С. 14 Л. Б. Панек награждает экскурсанта «орденом Хевсуретии». 1927 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 71. Л. 4.
- С. 15 Закладка фундамента здания школы в с. Бахурхеви. 1928 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.
- С. 15 Л. Б. Панек у хевсур. 1927 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.
- С. 16 Сотрудники и студенты географического факультета ЛГУ. 1927 г. — Коллекция МАЭ РАН. Staff-314.
- С. 17 Л. Б. Панек с мужем и дочерью Галиной. 1931 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- С. 18 В гостях у Бонч-Осмоловских. Ленинград, 1931 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.
- С. 19 В. И. Абаев. — Архив ИЛИ РАН. Личное дело В. И. Абаева.
- С. 19 Л. И. Лавров. — Коллекция МАЭ РАН. И-1370-62/4.
- С. 19 Н. А. [Багратион]-Мухранская с сыном Георгием. 1938 г. — Из личного архива Г. А. Генко.
- С. 20 А. Н. Генко. 1940 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
- С. 20 Л. Ф. Векслер. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.
- С. 21 Здание МАЭ в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. — Коллекция МАЭ РАН. № 1375-20.
- С. 22 Залы МАЭ в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. — Коллекция МАЭ РАН. № 1375-13, 1375-15.
- С. 23 Здание, в котором жили в Ташкенте эвакуированные сотрудники МАЭ. — Фото Г. А. Генко. Ташкент, 2005 г.
- С. 23 Е. Э. Бломквист и Ю. М. Лихтенберг. Ташкент, 1943 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.
- С. 23 Кукуруза, выращенная на огороде в Ташкенте. 1943 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.
- С. 24 Записка И. А. Орбели о приеме экзамена у Л. Б. Панек. 1943 г. — СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 497. Л. 110.
- С. 25 Л. Б. Панек с дочерью Галиной. Ленинград, 1947 г. — ОР РНБ. Ф. 1159 (Бломквист). Д. 391. Л. 1.
- С. 27 Сотрудники Института истории, языка и литературы Дагестанского ФАН СССР перед зданием института. Махачкала, 1953 г. — Из личного архива Г. А. Генко.
- С. 28 Л. Б. Панек. Ленинград, 1972 г. — СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.

Содержание

Страница первая. Детство	3
Страница вторая. Лазарет	5
Страница третья. Географический институт	7
Страница четвертая. Горная Грузия. Пасанаури	9
Страница пятая. 1930-е годы	17
Страница шестая. Великая Отечественная война	21
Страница седьмая. Возвращение в Ленинград	25
Страница восьмая. В Дагестане	27
Страница девятая. Итоги	28
Основные опубликованные работы Л. Б. Панек	29
Районы основных этнографических экспедиций Л. Б. Панек	30
Список иллюстраций	31

Г. А. Генко, Е. Н. Груздева
Страницы биографии этнографа Л. Б. Панек

В оформлении обложки использован рисунок Л. Б. Панек
(СПФ АРАН. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 59. Л. 6)

Отпечатано с готового оригинал-макета.
Подписано в печать 23.06.2015. Печать цифровая.
Формат 70 × 90 1/12. Усл. печ. л. 3,1. Заказ № 131С.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: renome@comlink.spb.ru www.renomespb.ru